

Барис Тунько

Избранные стихи

Ждет Россия

Демократы

Наши

СССР
МОСКВА
1992

Ждет Россия

* * *

Я рожден был нежностью и грустью
для звенящих песен о любви,
ясноокой златокудрой Русью
вспеленали сердце соловьи.

Каждый куст и каждую травинку,
мир полей, озер застывших гладь,
в лепестках озябшую росинку
не терпелось песней обласкать.

Омывали боль мою зарницы,
тварь любая трогала до слез.
Был готов навеки я влюбиться
в белезну тоскующих берез...

Не завидуй, друг мой, не завидуй!
Эти песни - боль души и глаз.
Быть поэтом - выставлять обиды
равнодушным людям напоказ.

Не завидуй, друг мой! Этих песен
я давно уж больше не пою:
загубила дьявольская плесень
чаровницу светлую мою.

Налетела злая вражья сила,
заломила белы руки ей,
терпеливо ждет моя Россия
удалых своих богатырей.

Ждет Россия, кровью залитая,
что примчится хоть один сынок,
но, как лист, надежда отлетает,
и земля уходит из под ног.

А кругом змеинный шелест денег,
и чужие наглые глаза.
Как же трудно этому поверить,
а поверишь - некому сказать.

И теперь, познав судьбу такую,
что вмещает вместе рай и ад,
потому и песен не пою я,
что в душе не лира, а набат.

И теперь на белые березы,
не летящий пух от тополей -
жгут мне сердце горестные слезы
беззащитной Родины моей.

Я от них стал праведней и тверже,
словно вновь меня вскормила мать.
Ложь меня теперь не искорежит,
суета не сможет изломать.

И теперь мой стих не гладит уши,
он стреляет выстрелом в упор
в подлое людское равнодушие,
в черный человеческий позор.

И меня, быть может, в день иудин
из-за дерзко брошенной строки
иль чужие нелюди засудят,
иль "свои" удавят пауки.

Знаю я, что плохи с ними шутки.
Наша жизнь - не каменная твердь.
Мне бы только лишнюю минутку,
чтобы песнь последнюю допеть.

Мне бы лишь Россию дорогую
не оставить в трудный час в беде.
Защитить! А там хоть в сердце пулю
или яд невидимый в воде.

Будет так - не мучь себя, родная!
Я уйду с поднятой головой,
лебединой песней проплывая
в синее небо над тобой.

Пусть мне песня будет стоять жизни.
Или жизнь для песни не цена?
За нее коснись на горькой тризне
краем губ шипучего вина!

ЛЖЕКОММУНИСТАМ

Во времена глубокого застоя,
когда царил безбрежный леонизм,
изгадили вы самое святое -
рождавшийся в боях социализм.

Как все младенцы,
был он чист и весел.
Его штыком - он выдержал и штык.
Он все бы выдержал,
да погубила плесень,
он все бы смог,
да помешали вы.

Вещали вы.
наш строй могуч и вечен,
лишь кое-что поправить, и - вперед!
И густо лились пламенные речи
в давно речам не веривший народ.

Смердя в своей "руководящей роли",
вы звали нас смотреть куда-то ввысь,
пахать,
чтоб вы внизу могли построить
за общий счет домашний коммунизм.

И мы пахали, потакая барству,
чтоб вы жирели, словно саранча,
плевали в нас, сюсюкая о Марксе,
и предавали, славя Ильича.

Вы взяли все, что партия дала вам.
И сверх того. И через сверх того.
Но почему-то все вам было мало.
И, озверев от жажды капитала,
вы ждали лишь пришествия его.

И он пришел, надменный ваш Иуда,
в личине судьбоносного вожда,
гроссмейстер политического блуда,
какого мы не знали отродясь.

Он плоть от плоти
ваше порожденье,
как сами вы, отродье тех веков,
когда все то же "новое мышление"
кастрировало разум простаков.

И, как тогда, когда Христа распяли,
его ученье приспособив к лжи,
уж вы-то время даром не теряли,
уж вы-то приготвили ножи!

Вы ждали лишь
внушительной команды,
И не давил вам в горле
горький ком,
когда кивнул Иуда вашей банде
и судьбоносно приказал: "Кругом!"

И, как к дерьму стремящиеся мухи,
вы принялись
в тот черный страшный час
плодить фронты, саюдисы и рухи,
чтобы скорей схватить за горло нас.

Вы превзошли
всех геростратов трижды,
втавив страну
в сплошной синюшный бред.
И все за тем,
чтоб только больше выжрать,
переварить и сбросить в туалет.

И вот теперь, безжалостно разрушив,
все то, чему кричали вы "Виват!",
вы виртуозно мне плюете в душу,
крича, что это... Ленин виноват!

Что это партия, что это наш рабочий,
что это "подлый русский человек",
что это все,

кто вам служить не хочет,
хоть кормит Вас уже не первый век.

Что вы сомнете всех,
кто будет против
народу уготованной судьбы.
Так что, суши сухарики, рабочий,
и партия сдавайся без борьбы!

Что ж! Поживем - увидим!
И рассудим!

Но твердо вам скажу уже сейчас
что партия - была и есть, и будет,
и победит, очистившись от вас!

Что был и есть, и будет
наш рабочий,
и хлебороб, и честный инженер,
и их ответ предельно будет точен
на каждый ваш
предательский маневр.

И будет день, когда в одну помойку,
где Каин с Гитлером
паскудный сводят счет,
метлой паршивой вашу "перестройку"
История торжественно сметет.

И хлынет свет!

И люди хлынут к людям!
Чтобы сойтись в объятии одном.
Как в день Победы
грянет залп орудий
и в пыль сотрет иудино пятно.

Мы будем жить

в прекрасном новом мире,
от плесени очистив нашу жизнь.
И он еще свою покажет силу -
построенный в боях социализм!

КОНСЕНСУС

Решивши стать отцом народов,
лесной правитель Михаил
Однажды полную свободу
волкам и овцам объявил:
пусть, мол, в согласии с природой
живут себе по мере сил.

Мол, пусть овца даст больше мяса,
а волк скорей ее сожрет,
с таким консенсусом прекрасным
мы быстро двинемся вперед!

Указ был назван судьбоносным.
(Правитель чтит высокий слог).
Но поразительно поносным
был у консенсуса итог.

Буквально через две недели
сожрали волки всех овец,
потом друг друга жадно съели.
А там и Мишеньке конец!

Мораль проста. Хоть стало модой
жить в соответствии с природой,
но учит опыт нас веками:
плохи консенсусы с волками!

* * *

От Колчака до Собчака
буржуйское отродие
грозило нам намять бока,
унизить нашу Родину.

Антанта шла на нас войной
и фюрер бесноватый,
но стали каменной стеной
советские солдаты.

Отбили много мы атак,
все выдержали стойко.
И вот тогда коварный враг
придумал "перестройку".

Нашелся подходящий "вождь"
отец буржуям крестный.
И стал давить народ, как вошь,
правитель "судьбоносный".

И все прошло бы "на ура",
и темпами ударными,
но стала поперек горла
родная наша Армия.

И, как тогда народный штык
сорвал им интервенцию,
так ныне рушится блицкриг
у собачаков и ельциных.

Вот почему они так злы
на нашего солдата,
вот почему визжат воры
в личине демократов.

Но мы в обиду не дадим
родную нашу Красную!
Стеною станем, как один,
в годину эту страшную!

И пусть, скривив от злобы рот,
лгут господа арбатовы -
не выдаст Армию народ
ворам и провокаторам!

И неспроста, не сгоряча
так говорят в народе:
"Тот погибает от меча,
кто к нам с мечом приходит!"

КЛОПЫ

Всю жизнь не мог терпеть клопов,
но стал в сто раз сильнее,
когда смотрю - торчит Попов
клопом на Мавзолею.

А рядом с ним мордovorот,
гиппопотамье тельце:
мне в душу, выпучив живот,
кривится Беня Ельцин.

А рядом с ним верховный жрец
провалов "судьбоносных",
"мышленья нового" отец
смердит придворным лоском.

И с болью тысячи людей,
ограбленных, униженных
глядят на этот Мавзолей,
клопами весь засиженный.

Мне б сделать равнодушный вид
и зря не беспокоиться,
но ведь... на Ленине стоит
чудовищная троица!

Но ведь священный Мавзолей -
не сцена театра кукол,
чтоб расставляли их на ней
чужие чьи-то руки.

И площадь Красная свята,
как вся наша История.
Кому же нужен сей спектакль
в День Октября тем более?!

Иль все мы съехали с ума
от "нового мышления"?
Иль просто хочется дерьма
поесть для развлечения?

И я иных же знаю слов
надежней и вернее,
чем крик души: "Долой клопов
с трибуны Мавзолея!"

ПРЕДАТЕЛЮ

Когда глумится над любовью
всесокрушающий разврат,
и умывает руки кровью
Россию предавший Пилат,

в часы борьбы и смертной муки,
когда в бреду моя страна,
когда кругом чужие руки
чужие чертят письма,

когда ликуют геростраты,
и хоры правящих иуд
спешат благословить утраты
и к рабству новому зовут,

не к ним - рабам своих седалищ,
к тебе я обращаю взор,
вчера - советский мой товарищ,
сегодня - импортный позор!

Ведь это ты сегодня с ними,
их богу лживому молясь,
сознания вечные святыни
постыдно втаптываешь в грязь!

Ведь это ты - их щит и рупор,
ты, в их игре разменный грош,
так беззастенчиво и тупо
мою Россию ПРЕДАЕШЬ!

Ты, изойдя звериным лаем
во имя волчьих их "свобод",
сегодня в Ленина стреляешь,
чтоб завтра выстрелить в народ!

Кто ты? Невежда иль прохожий
в стране доверчивой моей?
Спал? Или ждал, чтоб глубже ножик
всобачить под лопатку ей?

Ошибка это? Иль заданье?
Иль просто яма на пути?
Тебе ищу я оправданья,
но не могу его найти!

Ведь ты кормился тем же хлебом,
под тем же небом голубым,
ты те же лесни пел... и предал,
и оболгал, и осквернил!..

И надсмеялся так жестоко,
и спишь таким блаженным сном,
когда Россия на Голгофу
восходит сумрачным Христом.

Когда над ней кровавым нимбом
последний полыхает свет...
Злодей иль жертва, кто б ты ни был,
вовек тебе прощенья нет!

* * *

И вновь Христос ошибся в людях,
и вновь распят.
И вновь все тот же жребий будет
для тех, кто свят.

И снова стыд объявлен хламом,
и честь не в счет.
И вновь кричат менялы в храмах:
"На хоз-рас-чет!"

И вновь Ученье вне закона,
оболган Бог.
И человечность в шею гонят
мешок и рок.

И выше всех приобретений
в ходу старье:
ветхозаветный шелест денег
и вопль: "Мое!"

И вновь главенствует Хо-зя-ин!
Не Друг, не Брат!
И бескорыстье освистали.
Ликуёт враг.

И снова льется кровь народов
моей страны.
И снова правят бал уроды -
Пир Сатаны.

И вновь на бедных и богатых
раздел судьбы.
И значит, вновь возьмут когда-то
топор рабы.

И значит, снова будет Чудо
и Жизнь - вперед!
И всецелующий Иуда -
на эшафот!

Р.К.

Не жди немедленного чуда,
когда забрезжит свет рабам.
Вослед Христу идет Иуда,
и Смерть влачится по пятам.

И раб дает благословенье
на казнь святых из века в век,
но все же медленно и верно
в нем возгорится Человек.

Так все великие Идеи
плоды приносят в свой черед.
И с каждым кругом все вернее
неотвратимый крестный ход,
упившись кровью Прометеев,
ведет Историю вперед!

* * *

Слушай, товарищ! Буржуй наступает!
Душат народ палачи,
Родину-мать, как хотят, унижают.
Что ж ты сидишь на печи?!

Кооператор и приватизатор
хитрые сети плетут.
Коль не проснешься сегодня, то завтра
будет на шее хомут!

Право на труд, на лечение, на отдых
будешь потом вспоминать;
кровью добытое даром ты отдал,
предал ты Родину-мать!

Черная стая бандитов отпетых
правит твоею судьбой.
Гордость и совесть рабочая, где ты?
Что же случилось с тобой?

Ни Горбачев, ни дружок его Ельцин
выжить тебе не дадут.
Оба шута к униженью и смерти
верной дорогой ведут.

Нету в правительстве доброго дяди,
все подалися в воры.
Время настало! Детей своих ради
сам дело в руки бери!

Сам создавай боевые отряды,
сам защищай свой завод!
Есть голова. Есть товарищи рядом,
целый советский народ!

В черную ночь - конец одиночке!
Много ли сможешь один?
Только в сплоченности сила рабочих,
Вместе всегда победим!

Брось же к собачьим чертям телевизор,
треп бесполезный, вино, огород.
В эти часы избивают Отчизну,
битва за правду идет!

Слушай, товарищ! Великая сила
в нас, если мы не скоты.
Кто же еще выйдет в бой за Россию,
если не я и не ты?!

У ТРАУРНОГО ПОЕЗДА В.И.ЛЕНИНА

К тебе, Ильич, с надеждой я пришел,
но вижу, как ты смотришь с укоризной
и спрашиваешь, сколько же еще
позволим издеваться над Отчизной?

Ужель нет силы защитить страу?
Ужель народ поверил лицемерам?
Я отвечаю: "Признаем вину,
и силы есть, и черной лжи не верим!"

Сквозь сладкий мед
профессорских речей
и желтый визг осатаневшей прессы
я слышу звон отточенных мечей
и стон зауспокойной мессы.

И в час, когда витийствует Пилат,
заманивая в топи плюрализма,
лишь тем я тверд и лишь тому я рад,
что изучал основы ленинизма.

Когда ряды испытанных бойцов
в чернильной лжи увязли по колено,
и пошлость прославляет подлецов,
и подлость упивается изменой,

как было бы легко меня надуть
и в душу влить сомнения заразу!
Но ленинизм - надежный мой редут -
спасает и оттачивает разум.

И знаю я, куда и как идти,
и как разрушить вражеские планы.
Ты нам, Ильич, по-прежнему, свети!
Мы победим капланов и капланок!

Им не пустить корабль страны на дно,
и заковать нас в цепи не удастся,
и если уж иного не дано,
мы, как один,
пойдем за правду драться.

И пусть сегодня горя не объять
и не измерить черной вражьей силы,
свети, Ильич! Уже поднялась рать,
уже набат грохочет над Россией!

Уже вершится всенародный суд,
уже родятся новые герои,
и снова в бой за Родину идут
Корчагины, Матросовы и Зои.

Им нет числа! Они и тут, и там!
Их не купить ни золотом, ни рентой!
И в судный день по праведным счетам
оплатит нам Иуда все проценты!

И за позор всех этих черных лет,
за души, превращенные в помойки,
за клевету они дадут ответ!
Лицом к лицу! Не со страниц газет!
Кровавые прорывы перестройки.

Мы победим! И зорко будем впредь
с тобой, Ильич,
сверять походный компас.
Мы победим! Свобода или смерть!
На том стоим!

И в том тебе клянемся!

22 января 1991 г.

КАК В 41-М

Все, как тогда! Ты только вспомни
И смерть, и мор, и бабьих крик...
И только не в фашистской форме
идет стремительный блицкриг.

И только враг в сто раз умнее,
и только мы в сто раз глупей.
И на трибуне Мавзолея
стоит не гений, а пигмей.

И не фашистский их фельдфебель
свой Ирод губит все подряд.
И сеет ложь не доктор Геббельс,
а наш "народный депутат".

И только нет той грозной рати,
что стала насмерть под Москвой.
И торжествующий предатель
идет с поднятой головой.

И будет так, покуда только
в толк не возьмет моя страна,
что лгали ей про перестройку,
что пятый год идет война,

что горе тут не от ошибок
тут все по плану: оболгать,
растлить, купить, скрутить на дыбе
и на торгах четвертовать!

Ведь то не ветер в поле воет
народ похсюду голосит:
От униженья, от разбоя
Россия, Родина, спаси!

Так где же ты, моя Россия!
Где твой победоносный меч?
Где твоя праведная сила,
где огнедышащая речь?

Встань с колен! Возьми дубину!
Да и начни скорей гвоздить
в ребро, и в дышло,
в хвост и в гриву,
через рога, промеж копыт,

чтоб свергнуть дьявольское племя,
чтобы вовек не спасся он
ни златом нобелевских премий,
ни укрывательством ООН!

Ни дна ему чтоб, ни покрывки,
ни сна, ни отдыха нигде.
Глуши на небе, как Покрышкин,
на суше бей, топи в воде!

Пошли меня своим солдатом
в любые тяжкие пути.
Ведь надо ж, черт возьми, когда-то
от слова к делу перейти.

Пошли меня на смерть, на муки,
туда, где пепел и зола,
где женщины ломают руки
и кто-то бьет в колокола,

где окровавленное знамя
над пеклом боя рвется ввысь...
Настало время! Все, кто с нами,
стальными ротами, полками
за нашу землю - СТАНОВИСЬ!

За все, что создано народом,
за все, что потерял народ,
за наше братство и свободу
вперед, товарищи, ВПЕРЕД!

Как в сорок первом, за России
судьбы своей не пощадим.
Не покаянием, а силой,
и только силой ПОБЕДИМ!

Демокрады

"ОТДЫХ"

к вопросу об истоках нашей "демократии"

*Давным-давно молодым
специалистом переступил я порог
своего НИИ, который искренне
считал Храмом Науки, и был потря-
сен тем, что ее "жрецы" проводят
обеденный перерыв за игрой в...
"козла". Я не знал тогда, что это -
преддверие грядущего застоя, что
это и есть та самая "интеллигенция",
которая возомнила себя элитой и
предает свой народ. Но гадкое ощу-
щение не оставляло меня...*

Чуть только к обеду
приблизится день,
в объятиях табачного дыма,
отбросив исконную русскую лень,
взрывается...
матершина.

И вам
за стеною
никак не понять
да что ж там случилось такое?
То яйца какие-то станут считать,
то рыбу какую-то ловят!

Как будто стучит
барабанная дробь,
насквозь тишину разрывая.
...Аж с пяток согнав
все морщины на лоб,
ученый...
"козла забивает".

С величием дятла,
долбящего сук,
с усердием, ставшим привычкой,
шестерочный дупль
кандидат наук
глушит
замусоленной фишкой.

От давки
к спине
прилепив живот
И шею
жирафом
выставив,
с кашлем до зелени
матом рвет
дядю какого-то пришлого.

А рядом, волнуясь,
сидят и стоят
на корточках и
на цыпочках,
просунув сквозь дым лишь язык
да глаза,
какие-то нервные типчики.

Иному хоть в голову
кол вбей,
хоть Лоллобридждой разденься,
хоть в задницу
море Балтийское влей
не чувствует, нет,
не шевелится!

Но только попробуй
хоть раз в сто лет
пятерку с шестеркой спутать.
Шалишь!
Заорут, как взбесившийся лев,
ежа по ошибке скушавший!

И тут
матершинники входят в раж!

Мне говорят, - все будет хорошо,
что каждый сможет стать миллионером,
что в Швеции и где-то там еще
тому есть уникальные примеры!

Мне "демократы" каждый день суют
приманочки свои одни и те же,
но только кто мне даст гарантию,
что я не буду жить,
как в Бангладеше?

Там тоже рынок и капитализм,
и тот же швед кайфует в шевролете,
но почему-то смотрит сверху вниз,
как с голодухи помирают дети!

А если взять по всем материкам,
там целых два миллиарда голодают.
Обокрала их всех Америка
и Швеция ей в этом помогает!

Но только это ясно стало мне,
как тут же намекают два еврея,
что, мол, утерла нос любой стране -
а, значит, мне! -
какая-то там Южная Корея!

Я обалдел! Не находил я слов!
Но, слава богу, объяснили детки,
что там почти как у большевиков -
без дураков! -
железно выполняют пятилетки!

Вот и пойми, какого же рожна
и день и ночь поют мне о базаре?
На кой мне хрен шарманочка нужна,
когда имел я скрипку Страдивари?

Ведь жили мы без этого дерьма -
без проститутки, бизнеса и рока.
И, черт возьми, Америка сама
за это уважала нас глубоко!

Зато теперь пошло все кувырком
Нажралась этой западной свободы.
Душа пуста, и нету ничего
у нас ни во саду, ни в огороде!

А если завтра спичек коробок
потянет за полтыщи, для примеру,
тогда и впрямь,
чтоб мне купить гробок,
придется сыну стать миллионером!

Так вот оно зачем, куда ни глянь,
куда ни плюнь, вещает академик -
Шаталин, Пеграков, Аганбегян,
чтоб все мы передрались из-за денег!

Хоть я, конечно, не большой знаток
в академической сегодняшней науке,
но знаю -
жить мы будем без порток,
коль будем жить,
как лебедь, рак и щука.

Я в разговорах избегаю
слова "мать",
но только вспомню я про эту
академию,
так нет терпения, и хочется послать
ее подальше к матерям
аганбегеньим!

И как увижу я на стеночке портрет,
где улыбается
мой судьбоносный гений,
без промедления бегу я в туалет,
чтоб не услышали соседи выражений.

Но только вряд ли я
так долго протяну.
Из унитазы выползут агенты,
демократично сволокут меня в тюрьму
за оскорбление чести Президента.

И будет за решеткой день за днем
уж без меня катиться перестройка.
Там будут люди кушать суп с котом
И ассорти с мышами из помойки.

Там будут о свободе говорить.
И будут пить коньяк буржу
в люксах.
И пьяный Ельцин будет им делить,
как колбасу, страну на бенилюксы.

А я тогда на нарах полежу,
и на пайке отъем большую харю,
и буду ждать - а вдруг соображу,
за что так долго Сталина ругали?

Или за то, что цены понижал,
и не давал буржую сладкой жизни,
и если бы так дальше продолжал,
то не было б у нас капитализма?!

Или за то, что жили мы при нем
не воровство, а труд считая честью?
Об этом мы когда-нибудь споем -
коль доживем! -
когда душа опять захочет песен!

Март 1991 года.

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ МИТИНГ НА МАНЕЖНОЙ

ЕЛЬ-ЦИН!

ЕЛЬ-ЦИН!

ЕЛЬ-ЦИН!

ЕЛЬ-ЦИН!

Истерична и слепа
жаждет крови, кличет смерти
озверевшая толпа.

В клокотанье биомассы
нет ни личностей, ни лиц.
ЕЛЬ-ЦИН! Корчатся гримасы
обездоленных ослиц.

Все забыто - мать родная,
совесть, Родина, народ.
ЕЛЬ-ЦИН! ЕЛЬ-ЦИН! Как шальная
вся Манежная орет.

Это было, было, было!
Сколько ельциных в веках!
Толпы корчились и выли,
Оставаясь в дураках.

Так в безумной вакханалье
волей злобного перста
оболгали и распяли
с миром шедшего Христа.

ЕЛЬ-ЦИН! Так была разбита
Русь, упавшая умом,
и ничтожнейший Лжедмитрий
оседлал московский трон.

ЕЛЬ-ЦИН! Вопли разум мутят.
ЕЛЬ-ЦИН! Крик сбивает с ног.
Так когда-то псих Распутин
стать "святым" в России смог.

ЕЛЬ-ЦИН! ЕЛЬ-ЦИН! Словно улей
пчел взбесившихся валит.
ЕЛЬ-ЦИН! Так когда-то фюрер
утопил народ в крови.

В чем причина феномена?
На Руси грабеж, разбой,
голод, смерть, разврат, измена...
ЕЛЬ-ЦИН! Кто же он такой?

Чем душа его богата?
Что он доброго создал?
Иль, быть может, хоть когда-то
слово умное сказал?

В самом деле! Что он? Кто он?
Чем пленяет сотни лет?
Плутократ, манежный клоун..
Что еще? Ответа нет!

И искать его не надо.
Суть явления проста, -
ЕСЛИ ЛЮДИ СТАЛИ СТАДОМ,
ЛЮДИ МОЛЯТСЯ СКОТАМ!

И тогда ума и сердца,
мук душевных не ищи.
Будет только -

ЕЛЬ-ЦИН!

ЕЛЬ-ЦИН!

Вешай!

Бей!

Ломай!

Тащи!

Будет только лик бандита,
разрушенье,
смута, кровь,

лишь Распутин

да Лжедмитрий,

и чудовищный Адольф!

25 июня 1991 г.

К ПРЕДВЫБОРНОМУ ПОРТРЕТУ ЕЛЬЦИНА

Нет ничего страшней Иуды
в личине благостной Христа.
Когда сулят за чудом чудо
его блудливые уста.

А за личиной холод Смерти
и Жизни праведной запрет.
Россию быют. Смеется Ельцин.
Ликует праздничный портрет.

Июнь 1991 г.

* * *

Есть притча: с листиком лавровым
попав в кастрюлю, окунек
поверил повару на слово,
что это - лавровый веноч.

Так "демократу" не дано
в словесной требухе
понять, что плутократ давно
сварил его в ухе.

Сентябрь 1991 г.

* * *

Дожили!
Тянутся грязною лапой
к Ленину! к Ле-ни-ну! -
приватизатор,
бывший партбосс,
плутократ и бандит.
Правда расстреляна! Совесть молчит!

В бешеной пляске звериная стая!
Сброшены маски!

Фашизм наступает!
Где ж ваше Слово,
о сестры и братья?!
Ленину снова готовят Распятье!

Снова пылают костры его книг.
Варвары знают, как Ленин велик.
Жаждут оружие вырвать у нас.
Коршуном кружит ворующий класс.

Ленина судят!
А завтра на плахе
корчиться будет рабочий и пахарь!
В голоде, в холоде,
в тяжких мученьях,
люди, вы вспомните вашего Ленина!

Как он был предан рабочему люду.
Как его предал всемирный Иуда.
Как вы, и сами иудами став,
радостно камни швыряли в Христа!

Вспомните, как его дело разрушило,
душу и тело вы продали Бушу!
Хуже, чем Смерть,

этот ужас затмения!

Страшно смотреть на мсе поколение.

Страшно, но верю - окончится бред.
Лжи изуверов вы скажете: "Нет!
Нету вины Ильича перед нами,
Пир Сатаны мы устроили сами!"

Жаль, только каяться поздно придется -
все покупается, все продается!
Был и окончился русский народ,
в час, когда Ленина он предаёт.

15 сентября 1991 года. Ночь.

* * *

Вы не убьете дело Ильича!
Ваш крик воинственный
безумен и напрасен.

Коль зажжена духовности Свеча,
она уже веки не погаснет!

Вы не убьете памяти о нем,
хоть день и ночь громите все музеи.
Горит Свеча немеркнущим огнем
над кровожадным торжищем пигмеев!

Горит свеча, зажженная Христом.
Все ярче Смысл великого Ученья.
Уходит ввысь дорога над Крестом
и Коммунизм -

ее предназначенье!

17 сентября 1991 года

* * *

Если б в силах был я землю
расколоть рукою твердой,
на одну бы половину
поселил бы я побегии,
жадно рвущиеся к свету,
поселил бы несмышленных
малых птиц звонкоголосых,
поселил бы смех младенца,
запах розы, свежесть утра,
синеву морей бездонных,
нежность солнца, бег газели,
капли звонкие росинок,
что застыли на тюльпанах...

Я бы этой части мира
подарил бы свое сердце,
чтоб оно набатом било,
чтоб оно огнем горело,
чтоб оно сочилось кровью,
чтоб оно напоминало,
как легко и просто Правду
разменять на мерзость злата,
и как трудно вновь пробиться
к ее свету, что один лишь
исцеление всех страданий!

Если б только был я в силах
расколоть на части землю...
На другую половину
поселил бы я болото,
изворотливость гадюки,
жабу в черных бородавках,
зависть, злобу, смех деяги,
хитрость, ненависть, распутство,
ложь отцов, что так жестоко
сыновей своих бросают,
матерей, что слово "мама"
начинают ядом боли,
поселил бы липкость пота,
сытость, рвущуюся к славе,
поселил бы шелест денег,
поселил бы запах трупа,
и над всем над этим смрадом
я бы пугалом поставил
то, что даже этот ужас
приведет в оцепененье -
СВЯТОТАТСТВО ГОРБАЧЕВА!

* * *

Безумны Вы! Смотрите мне в глаза!
В глаза! В глаза! Не отводите взора!
Ни мед речей, ни лживая слеза
не отвратят суровость приговора.

Не отвратят! Хотя в своем кругу
Вас, вероятно, гением считают,
не обольщайтесь! Гибель вожаку
предречена законом волчьей стаи.

Мне гадок Ваш кощунственный талант,
чьа сила вся в отказе от морали.
С ним разрушитель, вор, комедиант,
но созидатель явится едва ли.

Из всех начал, что составляют жизнь,
из целей всех с маниакальной страстью
Вы предпочли убогий атавизм
плебейского стремленья к самовластью.

С пустой душой в сомнительной среде
лжекомсомольских шкурников-вождишек
Вы далеко зашли за тот предел,
где в человеке побеждает хищник.

Вас понесло! Чем выше был полет,
чем слаще власть,

тем больше Вы дичали,
и тем сильнее нравственный урод
греб под себя растущими клещами.

Давя других чердачных пауков,
Вы были бесподобны, несравненны
свободой от нравственных оков
и грацией крадущейся гиены.

Вы шли по трупам,
превращая в труп
вокруг себя дела, людей, идеи.
Смышленный становился с Вами глуп,
и правдолюбец делался злодеем.

Вы совершили столько черных дел,
сгубили столько жизней, что едва ли
хоть одного из собственных друзей
еще ни разу в жизни не предали.

Судя о людях только по себе,
по жалкой кучке "элитарной" слизи,
Вы сатанели, чувствуя везде
отпор иной, Вам не подвластной жизни.

Мешали Вам и звезды над Кремлем,
и бескорыстье умерших героев,
и все, что мы не меряем рублем -
любовь и дружба,

Моцарт и Бетховен.

И, как сове отвратен светоч дня,
как черт дрожит от крестного знаменья,
так Вас лишало отдыха и сна
все то, что в мире свято и нетленно.

Вам не терпелось развратить весь мир,
убить в нем все,

чем он велик от века.

Казалось Вам - у Вас достанет сил
в любом из нас унизить Человека.

Казалось Вам - у Вас такой набор!
И чистоган, и секс, и рок, и злоба,
и казнокрад, и пьяница, и вор,
и ложь, и нож,
и даже крышка гроба.

Казалось Вам - чуть только эта рать
возьмется за фонарную веревку,
народ помчится совесть продавать
за Вашу чечевичную похлебку.

Безумны Вы! Блицкриг! Переворот!
Какой полет больного самоменя!
Одним плевком изгадить весь народ!
Такой народ обречь на вырождение!

Ведь нас скрутить пытались и Орда,
и Бонапарт, и фюрер бесноватый,
и дядя Сэм, и собственный бардак,
и сотни Вам подобных геростратов.

Но мы - это Добрыня и Донской,
это - Суворов, Пушкин, Даргомыжский!
Мы это - Ленин!

Вы - Попов, Руцкой,
Колчак, Собчак, "Майн Кампф"
и рынок Рижский.

Мы - это мысль и вера всех веков,
мы - это все, в чем человечья сила,
мы - это избавление от оков,
мы - это Правда! Вы - ее могила.

Да! Мы попали в крепкие тиски.
Аж меркнул свет
от Вашей "перестройки".
Силен был бред! Да лопнули портки
с натуги у зарвавшегося волка!

Трещит блицкриг!
Еще не Сталинград,
еще долга дорога до Берлина,
еще не полон перечень утрат
и список Ваших хитростей змеиных.

Еще не раз на нас ГКЧП
нашлете Вы и нас же обвините,
и, по змеиной следуя тропе,
змею в наши души наследите.

Но тщетно все!
Хоть медленно народ,
как говорят, кобылу запрягает,
но коль запряг, то уж тогда - несет!
Держись тогда,
спасайся, волчья стая!

И в этот час матерому волку
не уцелеть ни хитростью, ни силой.
Не может волчья стая вожаку
простить незавершившегося пира.

К тому идет! Уходит Ваша власть.
Снося пинки от правых и от левых,
недолго Вам осталось щеголять
раздетою английской королевой.

Но не народ от Вас очистит мир.
Народ брезглив.

Не ждите этой чести!
Сам Сатана Вас разума лишил,
сам Сатана найдет и способ мести.

Свершит над Вами черный самосуд,
о Вашу Мерзость замарает руки
из Вашей стаи хладнокровный Брут
по всем канонам Вашей же науки.

Угробит Вас их волчий аппетит.
Вы ж в голом виде - лакомое блюдо!
В один момент Вас стая превратит
в обглоданные косточки Иуды!

Да будет так! В отличие от зверей
мы сохраним их на тысячелетья,
мы даже им построим мавзолей,
чтоб не забыла память человечья

о том, что значит Правду разменять
на мерзкий звон иудиного злата.
Оборони нас Память, чтоб опять
не возродилось царство геростратов.

23 октября 1991 года.

* * *

О, "демократ"! О, "демократ"!
Какое слово ты изгадил!
Идет войной на брата брат
и у народа хлеб украден!

И Христа ради ветеран
у вора милостыню просит!
И пуще самых тяжких ран
жгут безответные вопросы.

Кому, зачем она нужна,
свобода блуда и разврата,
и почему растет мошна
лишь у неправедно богатых?

И почему унижен труд?
И столько в людях стало злобы!
И что ни день то там, то тут
испепеляющий Чернобыль!

И, если это - гуманизм
и в этом - цель его и средство,
скажи мне - что тогда фашизм,
и что такое людоедство?!

Где демократия твоя?
В орущих толпах изуверов?
В том, что партийная свинья
переползла в миллионеры?

В том, что развалена страна,
что столько раз спасла планету,
и столько вылезло дерьма
на звон иудиной монеты?

Иль в том, что преданный народ,
лишившись воли и рассудка,
в колодец собственный плюет
во имя барского желудка?

Ты все со временем поймешь
о, "демократ" самодовольный!
Тебя еще такую болью
изранит собственная ложь!

И ты сто раз сойдешь с ума,
хоть не стоял на нем вовеки.
И только нищая сума
в тебе пробудит человека.

И твой апломб сотрется в прах,
как марафет публичной девки.
И ты услышишь, как в гробах
воят оболганные предки.

И ты поймешь в тот страшный миг,
как ты ничтожен без Отчизны,
и закричишь, увидев лик
обыкновенного фашизма.

И ты захочешь выпить яд,
чтоб не страдать в зверином стаде...
О, "демократ"!

О, "демократ"!
Какое слово ты изгадил!!!

23 октября 1991 года.

Наши

* * *

О мудрость ложная!
 В момент прикосновенья
 к нетронутому вымыслом листу
 уводишь ты на целую версту
 от первых чувств
 и мыслей сокровенных.

На всем печать твоих объятий трезвых.
 И неучей страшась, и знатоков,
 томишься ты под бременем оков
 пугливой логики и позы бесполезной.

А между тем мы знаем бездны блага,
 что нам дарит и первая любовь,
 и свежесть чувств,
 и правда без зигзагов.
 Коль жидкостью иной
 во мне заменят кровь,
 я буду мертв,
 как мертв мой стих без слов,
 что правдой жизни дышат на бумаге.

* * *

Нет! Не пойдет История назад!
 Ни вопль невежд,
 ни натиск бизнесменов,
 ни горбачевско-гелльсопский яд
 ее великий ход не переменят!

Пусть много их,
 пусть очень мало нас.
 Христос один когда-то жил в пустыне.
 И был распят. Но Разум не погас,
 и к нам дошел, и с нами не остынет.
 Крепись, мой друг! И не себя жалея,
 а только их - лишившихся рассудка.
 Что может быть несчастнее червей,
 живущих лишь позывами желудка?

Крепись, мой друг!
 Не верь газетным уткам.
 Верь Разуму и Совести своей!

* * *

Нет жизни без борьбы!
 Покуда в пекле битвы,
 покуда злобен враг,
 покуда точит боль,
 я вижу цель - живой или убитый,
 в беде иль в почестях - горжусь
 своей судьбой!

Нет жизни без мечты,
 нет жизни в примиреньи!
 Где совесть спит, вкусив плоды побед,
 где праздность царствует,
 где сыто дремлет время -
 там смерть близка,
 там жизни вовсе нет.

И если скажут мне,
 что человек не камень,
 что жизнь кратка,
 что с гробовой доской
 сближаюсь я своими же руками -
 приемлю все! Приемлю жизнь такой!

И только потому не сладок мне покой,
 что жизнь кратка...
 А отдых ждет веками!

* * *

Десятки раз отчаиваясь в жизни,
 без устали кляня несправедливый мир,
 одной потребностью
 живого организма
 спасаюсь, здравствую
 и в ней черпаю сил.

Когда в душе грохочет горечь злая
 и сердце боль сожмет,
 как черный скользкий спрут,
 меня от всех недугов воскрешает
 великий лекарь и наставник - Труд.

Лишь одному ему я доверяюсь смело.
Он не солжет, не выдаст никогда.
Что тяжкий гнев обид.

что боль души и тела!
Вот если вдруг останусь я без дела,
тогда скажу: "Пришла моя беда!"

* * *

Слышу ли музыку тихо звучащую,
гляну в широкое, чистое небо -
в думах волнуются образы счастья.
Жгучего счастья!.. Которого не было.

Не было радости неомраченной
черным предчувствием,
смутной тревогой,
не было смеха без горькой иронии,
многое жаждалось, сбилось немногое.

Сбилось немногое. Тлела лучинушка
счастья убогого тусклыми бликами.
Вечно она находилась - причинушка
несовершенство святого, великого.

Вечно ползучее что-то, нечистое
мучило душу невнятными бедами.
Разум иссушенный выстрадал, высветил
страшную истину - ...Родину предали!

Предали, продали. Лению, молчанием,
пышными одами, мелкими мыслями,
чувствами низкими, вечным качанием
между мещанами и коммунистами.

Сами все продали! Мистерам-твистерам,
клятвопреступникам, грязным воругам.
Мечем теперь нескончаемым бисером
речи бессмысленно друг перед другом.

Мыслим эпохами, делаем крохами.
Ахаем, охаем, мрем от амбиций,
пучимся страхами, прыгаем блохами,
чтобы прославиться, но не разбиться.

Вот и допрыгались.

Вот и прославились.
Внесен приговор.

Нет больше Братьев.
Рухнула Родина. Хищными стаями
черные каины гадят в Распятье.

Что же теперь? Где спасенье высокое?
Плыть ли опять

в безнадежность туманную?
Рухнуть ли разом обломками сокола
в битву жестокую, болью чтоб ранило
счастье когда-то бродившее около,
счастье далекое, близкое, странное...

Август 1991 г.

* * *

Сюда приходят разные -
и чистые и грязные,
голодные и сытые,
счастливые, избитые.

Здесь что-то от Россиюшки,
от давней ее силушки
нашлось и затерялось,
и снова отыскалось,

и снова отыскалось
в глазах отцов и мальчиков,
когда вино плескалось
на мутном дне стаканчиков.

Плескалось и пенилось,
а с ним мечталось, верилось!
И этому, что случаем
сошелся с чаркой жгучею,

и этому, что более
не в силах с горем мериться
и вся его история,
что поутру застрелился.

* * *

Ивановы, Петровы, Володины -
горделивый когда-то народ -
как же это случилось, что Родину
чуть не каждый из вас предает?

Что за пойло сварили вам жуткое,
из каких окаянных корней,
если думать вы стали желудками,
наподобие диких зверей?

Обольстили вас вороги баснями,
и случилась такая беда,
что, пылая страстями колбасными,
вы лишились любви и стыда.

И, ликуя, как те краснокожие,
что продались за дюжину бус,
до такого позора вы дожили,
так жестоко унизили Русь!

Захотелось вам цивилизации,
да не той, что культуру несет,
той, где акции и резервации,
той, что соки из мира сосет!

Вы прильнули душой не к Бетховену,
вас пленил не Уэллс и не Спок.
Фунты стерлингов, марки и доллары -
вот где ваш отвратительный Бог!

Завладел вами
собственник сытенный,
ослепил бриллиантовый блеск,
просвистали вы совесть на митингах,
на Державе поставили крест.

Москвичи, севастопольцы, омичи,
что ж теперь принялись вы трубить,
будто это одни рабиновичи
умудрились страну загубить?

Будто это не вы разбежались
врассыпную по теллым щелям,
когда в августе слово "товарищи!"
линчевал торжествующий хам!

Сколько вас,
фантастически глупеньких,
но безмерно довольных собой,
лжепророков и горе-заступников
волочило страну на убой!

Журналисты, юристы, писатели
ненасытный откормленный сброд,
как же вы оплевали, изгадили,
как растлили великий народ!

И в хозяйчики кинулись мальчики,
в кулаки поползли мужики,
красны девки рванули в шалманчики,
и на паперть пошли старики.

И страну, баснословно богатую,
обогнав, разорили до тла.
Без вины, как всегда, виноватая,
тихо стонет Россия моя.

Знать до самого края доехали -
всюду лжец, лихоимец и трус.
Ивановых полно. Только некому
защитить горемычную Русь...

Декабрь 1991 г.

* * *

Все выдержу - и лютую борьбу,
и гнет оков, и черную измену,
и разум от растленья сберегу,
и в страшный час не перережу вены.

И все прощу - жестокость палачу,
невежде бред, убожество уроду,
но не гаси последнюю свечу -
не загуби живой души народа!

Все меньше в нем ума и доброты,
все больше равнодушия и блуда.
И пол-шага осталось до черты,
где циник превращается в Иуду.

Без Родины, без чести, без друзей,
предав себя, предав детей и предков,
он тупо наблюдает, как злодей
его, как стадо, загоняет в клетку.

Один молчит, другой безбожно врет,
и третий не вылезает из попойки.
И горько мне смотреть на мой народ,
низведенный до уровня помойки.

Не в силах я его боготворить,
как с детских лет
воспитан был по книгам.

И сердце по ночам исходит криком -
Ужель и впрямь
времен прервалась нить?

Ужель и впрямь всего лишь глупый миф
все то, чем жил,
во что так свято верил?

И эта боль, слагающая стих,
не светочь дня, а горькое похмелье?

И Пушкин - вздор, и Моцарт - чепуха,
и Ленин - лжец, и Прометей - ублюдок?
И мой народ не разума река,
а только вечно страждущий желудок?

И меченый Иуда лучше знал,
 чего народ на самом деле стоит?
 И сатана законно правит бал
 в стране рабов,
 послушных беззаконью?

Но, если так, зачем мне жизнь дана?
 Зачем страна, зачем земля, природа,
 и чаша жизни, все-таки одна,
 и чаша горя, общая с народом?!

Мне с ним встречать
 и полночь, и зарю,
 моя судьба - его судьбы частица.
 И если вдруг его я разлюблю,
 с самим собой я должен разлучиться.

Убей меня, и потопа в крови,
 и перед смертью искорежь на дыбе,
 но не лишай спасительной любви,
 не сокруши мой путеводный выбор!

Декабрь 1991 г.

7 НОЯБРЯ 1991 ГОДА

Кто говорит, что не пропустят нас
 в день Октября к трибунам Мавзолея?
 Не в первый раз
 сойдутся с классом класс,
 не в первый раз увидим,
 кто сильнее!

Вперед, друзья!
 Поднять знамена ввысь!
 Труби, горнист!
 Весь мир следит за нами!
 Как в сорок первом,
 снова СТАНОВИСЬ
 К ТОРЖЕСТВЕННОМУ МАРШУ,
 ветераны!

Знамена ввысь! Смелее!
 Шагом марш!
 Кто уверяет, будто нас разгонят?
 Мы на своей земле!
 И этот праздник - наш!
 И нам плевать на волю Пентагона!

Вперед, друзья! Вперед!
 Плечом к плечу!
 Как в сорок первом!
 Как на том параде,
 дадим сегодня клятву Ильичу,
 что сохраним навеки этот праздник!

Милиция! Ты скажешь: есть Приказ
 не пропускать?! Но есть еще и сердце!
 И Совесть есть! И ты не станешь нас
 удерживать ценою нашей смерти!

Ты не пойдешь на это никогда,
 ты голову склонишь пред алым стягом!
 Не куркулям, а родине труда
 давала ты военную присягу!

Знамена ввысь! Не посрамим отцов,
 отдавших жизнь за Правду и Свободу!
 Пускай трепещет банда подлецов
 от монолитной поступи народа!

Знамена ввысь! ИН-ТЕР-НА-ЦИ-О-НАЛ!
 Гречи, наш Гимн!

Гречи над Мавзолеем!
 Ильич! Ты слышишь! Закалилась сталь!
 Народ восстал и нет его сильнее!

3 ноября 1991 года.

РОТЕ ПОЧЕТНОГО КАРАУЛА У МАВЗОЛЕЯ В.И.ЛЕНИНА

Ребята! Весь мир задает вам вопрос,
 и нету вопроса больше!
 Ответьте планете! Надежен ли пост
 на площади у Мавзолея?!

Ребята! Ответьте героям войны,
 в боях защитившим Отчизну,
 ответьте погибшим, ответьте живым,
 недрогнувшим и победившим.

Ответьте девчужкам шестнадцати лет,
 что шли на войну в сорок первом,
 и тем, кто еще не родился на свет,
 придут ли они к Мавзолею?

Вы твердо стоите?

Вы в силах отбить
буржуйскую злую свирепость?
Готовы ли вы этот пост превратить
при случае в Брестскую крепость?

Сегодня вы твердый чеканите шаг,
но в час грозовой, непарадный
получит ли снова коварнейший враг
суровый отпор Ленинграда?

Ребята! На вас
устремляют свой взор
все честные люди планеты!
Пусть смерть и мученья,
пусть даже позор,
но только, ребята, не этот!

Держитесь, ребята! Великая честь
стоять в часовых Мавзолея.
Мы все одолеем, пока у нас есть
не тронутый временем Ленин!

Ребята! Весь мир задает вам вопрос,
и нету вопроса больнее!
Ответьте планете! Надежен ли пост
на площади у Мавзолея?!

3 ноября 1991 года.

* * *

В минуты, когда вдруг усталость
и боль мое сердце сожмет,
одним только я и спасаюсь,
что верую в русский народ.

Я верю, что в сумраке жутком,
найдя путеводную нить,
научится он не желудком,
а сердцем Отчизну любить.

И встанет с Колен, распряжится
и ростом достанет Богов,
и мир еще раз удивится
немыслимой силе его.

И вижу я как на ладони
свершенье грядущих времен -
из пепла рождается воин,
и в страхе шатается трон.

Срывая на митингах голос,
вонзая кулак в небеса,
встает огнедышащий колосс,
позорные цепи круша.

Идет он, с дороги сметая
презренных своих палачай,
и пламя любви излучает
сияние гневных очей.

И с этой великою силой
иду я в едином строю,
и вновь моей милой России
святые черты узнаю.

Восстанет Россия из грязи
и снова весь мир увлечет!
И будет еще Стенька Разин,
и будет еще Пугачев!

И будут Пожарский и Минин,
и будет стремительный взлет!
Все будет, когда у России
появится... РУССКИЙ НАРОД!

Все будет! Я верую свято:
Отравлен, но не побежден,
он встанет! И ночь "демократов"
сияющим сменится днем!

6 декабря 1991 года.

Ночь, пикет в защиту

Э.Хоннекера у посольства Чили.

* * *

Моей маме Любове Борисовне
Гунько

Видно так заведено в России
от давным-давно минувших дней -
в мире женщин не было красивей,
в мире женщин не было сильней.

Кажется, что где-то рядом, близко,
разом превращая сказку в быль,
через снег и слезы декабристки
едут в ненавистную Сибирь.

Мир богатства бросив непочатым,
едут, поразив бывалый свет,
точно как советские девчата
в Уренгой, Илим и на Тайшет!

Это было в гневном громе улиц,
в чуткой тишине ученых зал -
в Трепова стрелявшая Засулич,
Софьи Ковалевской интеграл.

Был Ильич... Случайные отрывки
скромность двух великих донесла
о бальзаме сдержанной улыбки
женщины, что рядом с ним была.

Пушкин восторгался Гончаровой.
И ведь, если б не было ее,
было б меньше пушкинского слова,
звонких песен, тех что мы поем.

Женщина... Нежнее малой пташки,
невесомый, алый цвет зари...
Но в беде под пули и под шашки
станут в рост твои богатыри.

И сама вдруг сделавшись сильнее
за станком заменишь ты троих,
и чужих детей любить сумеешь,
как не могут многие своих.

А когда дела бывали шатки,
гневно вспенив гордый азлет бровей,
сколько раз ты: делалась солдаткой,
заменяя в битвах сыновей!

И тускнели мифы о героях,
в изумленье старый мир немел...
Умирала и рождались Зои
на врагом истерзанной земле.

Выносили раненых из танков
и дышали смертью каждый день
и сидели в двадцать санитарки
у врагу не сданных деревень.

Но все те же женщины повсюду
в тыл ли, в бой судьбою занесло -
сохраняли нежность незабудок
и ромашек русское тепло.

Приходил ли горький час печали,
радость ли сменяла грусти час -
русских женщин вечно отличала
красота без деланных прикрас.

Пусть кто хочет и как хочет судит,
пусть вопят рекламные щиты,
кукольные царства голливудов,
перлы парфюмерной красоты.

Только эту прелесть русских линий,
что пошла от лилий и берез,
только нашу русскую Богиню
не сменять на иноземный лоск

Это ей рукоплескали сцены
и, не в силах с силой совладать,
применяли газы полисмены,
чтоб людей от кассы отогнать.

Был Париж, все чудеса познавший,
стыл Нью-Йорк, вкусивший ад и рай,
плакал Рим, когда "Березка" наша
захлестнула чувством через край.

Этой силе, этой гордой стати
целый мир в те дни кричал - "Ура!",
когда вслед за стайей звездных братьев
взошла в небо звездная сестра.

И пускай Монро стоит у "Форда",
и Бордо на рюмку щурит глаз,
красоты и доблести рекорды
наших женщин выше в сотни раз.

И сегодня верую я в душу,
в силу русской женщины простой.
Еще выйдет на берег Катюша,
на высокий на берег кругой!

И страна призыв ее услышит,
и воруги стрелкача дадут,
как француз от бабки Васисилы
в восемьсот двенадцатом году.

И покрепче Девы Орлеанской
тряханет она лихих гостей,
и, боюсь, надменным самозванцам
не собрать тогда своих костей.

Ибо так заведено в России
от давным-давно минувших дней -
русских женщин не было красивей,
русских женщин не было сильней!

Март 1992 г.

НАШИ

Я помню - война грохотала
и было на сердце темно,
Когда я смотрел про Чапая
в глухом городишке кино.

Месилась кровавая каша -
Нас били. Зал горько молчал.
И вдруг звонким голосом
"Наши!"
мальчишка один закричал.

Промчались они на экране
и словно пахнуло весной,
и взрослые люди рыдали
в далеком сибирском кино.

И я с ними радостно плакал,
и мысленно мчался в огне
с любимым Чапаем в атаку
на белом красавце-коне.

Шли годы, в них всякое было.
Я многое в жизни постиг,
но сердце мое не забыло
тот звонкий мальчишеский крик:

И ныне, когда лихолетье
лютует, святыни круша,
о, как этим возгласом детским
моя согревалась душа!

И как бы мне ни было страшно,
я искренне верил всегда,
что снова появятся наши,
и снова отхлынет беда.

Я верил - они где-то близко,
я ждал, что труба зазвучит,
я думал - да где ж тот мальчишка?
когда же он вновь закричит?!

Но тщетно вливался я в лица
случайных и близких людей -
в них не было дивной жар-птицы
мальчишеской жизни моей.

И вдруг в моем сердце уставшем,
как огненный свет янтара,
сверкнула догадка, что наши
сегодня не кто-то, а я!

И быть мне последним Иудой,
коль стану надеждою жить,
что кто-то устроит мне чудо,
а я буду в ладушки бить.

Но если, не ведая страха,
я встану и выйду вперед,
мальчишка, как майская птаха,
от радости вдруг запоет.

Скликая живущих и павших
под сень легендарных знамен,
восторженным голосом - "Наши!"
поднимет товарищ:эй он.

И встанут их тысячи тысяч,
и прочь побегут палачи...
Ты слышишь, мальчонка?!
Я - наши! Я вышел!!
Скорей, сорванец, закричи!!

СОДЕРЖАНИЕ

Ждет Россия - стр. 2

Демократы - стр. 9

Наши - стр. 17